

Философия

УДК 167.3:267(045)

Т.В. Излученко

ЭФФЕКТИВНОСТЬ КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

Религиозный экстремизм является сложным, многоаспектным явлением, обладающим деятельностной, идеологической и организационной составляющими. Наибольшую угрозу он представляет, реализуясь в форме религиозных экстремистских объединений. Изучение их деятельности в рамках какого-либо отдельного социально-гуманитарного направления и введение большого количества понятий, сущностно обозначающих одно и то же, приводят к фрагментарности и многообразию несогласованных, противоречивых концепций и теорий. Цель работы – определить эффективность комплексного подхода, включающего методы социальной философии, социальной психологии, социальной антропологии и когнитивного религиоведения, для изучения религиозных экстремистских объединений. Постструктуралистский подход позволяет рассматривать религиозный экстремизм как политический конструкт, обусловленный социально-культурными и психологическими условиями. Феноменологический подход – выявлять механизмы конструирования религиозным экстремизмом альтернативной социальной реальности. Структурно-функциональный подход – религиозных экстремистов как действующих субъектов, реализующих социальную инициативу, а религиозные экстремистские объединения – как социальные системы. Результаты проведенного исследования формулировались посредством общенаучных методов анализа и синтеза, индукции и дедукции, обобщения и абстрагирования. На основе принципа дополнительности методы из различных научных областей дополняются друг другом. Комплексный подход важно отделять от эклектичности при построении методологии исследования, которая не позволяет установить взаимосвязи на каждой ступени познания, выявить закономерности, совместность различных детерминаций. Центральным моментом выступают последовательность применения методов и их дополнительности, чтобы исключить неуместное смешение. Это позволяет систематизировать социально-философскую составляющую религиозной экстремистской идеологии, социально-антропологические отличия религиозной экстремистской деятельности, когнитивные искажения религиозного экстремистского сознания и ингрупповой фаворитизм, аутгрупповую агрессию, социальную и религиозную идентичность религиозных экстремистских объединений.

Ключевые слова: религиозные экстремистские объединения, комплексный подход, методология, принцип дополнительности, эклектичность, научный метод.

DOI: 10.35634/2412-9550-2023-33-3-215-223

Введение

В XXI веке религиозный экстремизм приобрел такие проявления, которые несут угрозу не только национальной безопасности России, но и всему мировому сообществу по причине своего глобального дестабилизирующего характера. Политические, экономические, социальные и технологические условия способствуют возникновению и распространению не просто соответствующих идей, но организованной деятельности, позиционированию религиозных экстремистских объединений социальными системами, акторами социальных отношений, участниками коммуникативного пространства. Анализ существующих отечественных (А.В. Данилов [8], М.Я. Яхьяев [16], В.Д. Никишин [15]) и зарубежных (М. Юргенсмейер [32], Я.-В. ван Проойен [35], А. Круглански [33]) исследований свидетельствует о высоком теоретико-методологическом и практическом уровне изучения религиозного экстремизма как политического и социокультурного явления. Однако при этом религиозные экстремистские объединения практически не исследованы в рамках социальной и политической философии, отсутствует социально-философское осмысление их деятельности. Отметим, что изучение в рамках только какого-либо отдельного социально-гуманитарного направления приводит к фрагментарности и многообразию зачастую несогласованных, противоречивых концепций и теорий, разногласиям как на теоретическом, так и практическом уровне.

Деятельность религиозных экстремистских объединений как научная проблема, имеющая важное социальное и политическое значение, требует разработки нового подхода и методологии исследования, позволяющих получать объективные данные и разрабатывать эффективную программу про-

тиводействия. Ключевым моментом становится разграничение религиозной деятельности и религиозной экстремистской деятельности для недопущения неправомерного преследования «иных» религиозных организаций. Проблематизация деятельности религиозных экстремистских объединений и необходимость осмысления ее сущности, выявления характеристик, определения тенденций развития актуализируют разработку комплексного подхода, учитывающего как социально-психологические, когнитивные, социально-антропологические, так и политико-правовые аспекты. Целью нашей работы является определение эффективности комплексного подхода, включающего методы социальной философии, социальной психологии, социальной антропологии и когнитивного религиоведения, при исследовании деятельности религиозных экстремистских объединений.

Методология и методы исследования

В рамках постструктуралистского подхода (Ж. Бодрийяр, И. В. Гребенщиков) религиозный экстремизм рассматривается как политический конструкт, созданный участниками коммуникативного пространства: государством, широкой общественностью, религиозными организациями, экспертным сообществом и самими религиозными экстремистами. Структурно-функциональный подход (Т. Парсонс) позволил выявить специфику религиозной экстремистской деятельности в аспекте проявления социальной активности, рационально обоснованного стремления религиозных субъектов к радикальному преобразованию социальной реальности, а также рассмотреть религиозные экстремистские объединения социальными системами. Установлению механизмов конструирования альтернативной социальной реальности религиозным экстремизмом, отношения к священному способствовал феноменологический подход (П. Бергер, М. Элиаде). Когнитивные искажения и обусловленность когнитивным диссонансом интерпретировались концепциями когнитивного религиоведения (А. Круглански, Л. Агнати, Л. Фестингер). На основе проведенного анализа и синтеза, индукции и дедукции, обобщения и абстрагирования были сформулированы выводы проведенного исследования.

Принципом дополнительности обеспечивается комплексный характер интеграции разнородных источников, материалов и подходов, относящихся к различным направлениям социально-гуманитарного знания и фиксирующих разные стороны религиозной экстремистской деятельности. В результате чего создается эффективная методологическая основа исследования комплексным подходом данного многоаспектного объекта, обеспечивающая установление внутреннего, всеохватывающего противоречивого единства и реализацию практико-целевой установки. Так, структурно-функциональный анализ религиозного экстремистского объединения как социальной системы эффективно дополняется феноменологическим анализом процесса конструирования религиозной экстремистской идеологии, философско-антропологическими и когнитивными подходами к специфике религиозного экстремистского сознания.

Результаты исследования

Современная культура способствует религиозному многообразию, провоцирует рост количества религиозных сообществ, отличающихся от традиционно представленных на определенной территории. Некоторые из таких сообществ являются религиозными экстремистскими объединениями. В совместную деятельность вовлекаются люди вне географической детерминанты на основе религиозной идентичности. Религия становится не только мотивационным и интегрирующим фактором, но и усилителем социальной дифференциации. Современные технические и технологические возможности способствуют быстрому распространению религиозной экстремистской идеологии, вовлечению новых участников и преобразованиям в организационных структурах религиозных экстремистских объединений. Активно используются сетевые принципы организации: цепная сеть, узловая структура, многоканальная структура, гибридная структура и сопротивление без лидеров [34] – при сохранении строгой иерархии и позиционировании себя продолжателями религиозной традиции, тем самым успешно конспирируется данная деятельность. Религиозные экстремистские объединения основываются на духовных течениях внутри какой-либо религии (исламистский экстремизм) посредством радикализации догматики, ценностей и этических норм. Либо являются самостоятельными религиозными направлениями, возникающими в результате обособления интерпретаций традиционных верований или создания новой доктрины.

Деятельность религиозных экстремистских объединений как научная проблема вызывает исследовательский интерес. Социальные философы акцентируют внимание на универсальных чертах религиозной экстремистской деятельности, содержании религиозной экстремистской идеологии, взаимосвязи социального, политического и религиозного компонентов. Религиозный экстремизм можно рассматривать как неотъемлемую часть гиперреальности современного постмодернистского общества – симулякр, функционирующий благодаря современной системе коммуникаций [4]. Экстремизм представляется актом восстановления некоторой единичности в центре системы обобщенного обмена, глобализирующегося мира. И.В. Гребенщиков характеризует роль государства на становление научного дискурса об экстремизме, в котором исходными положениями выступают: а) соотнесение явления (референта) экстремизма с его языковым производством и утверждение его естественного происхождения из социальной среды; б) экстремизм как синтетический продукт социально-политических структур, несущий функционально-целевые установки. Дискурс формируется в рамках юридического, бюрократического и научного полей. Государство стремится к легитимации негативного отношения к экстремизму при поддержке научной среды [7, с. 71]. Условия постмодернизма приводят к возникновению новых духовных ценностей и способствуют трансформации многих религиозных ценностей.

С позиции религиоведения любой религии присущи идеи превосходства своего учения и истинности знания. Религия как социальный институт нередко продвигает нетрадиционные верования и энергозатратные ритуалы, тем самым, с одной стороны, увеличивает доверие внутри группы, а с другой – усиливает подозрительность и конфликт с внешними группами. Священное выступает фактором широкомасштабного сотрудничества и социально-политических завоеваний без военных действий. Священные ценности сигнализируют о групповой идентичности и действуют как моральные императивы, которые вдохновляют на нерациональные усилия, не зависящие от вероятных результатов. В конфликтных ситуациях приземленные социально-политические предпочтения становятся сакральными ценностями, приобретая иммунитет к материальным стимулам и обосновывая неразрешимые конфликты [26]. Следовательно, любое религиозное объединение оберегает себя от возможного включения отличных от его социально-философской концепции положений, которые могут привести к разрушению структуры его социальной системы. Однако религиозные экстремистские объединения утверждают о своей избыточной исключительности в вопросах религии и политики, отождествляют политические цели с религиозными требованиями. Защиту своей идеологии осуществляют посредством агрессии и угрозы применения насилия.

Религиозные учения содержат потенциальную экстремистскую направленность, которая при необходимости сохранения монологичной сущности учения может проявиться в определенных условиях на конкретном историческом этапе в виде экстремализации мышления и поведения – религиозного фанатизма. Сознание религиозного фанатика представляется удобной мишенью для манипуляции со стороны идейной группы по причинам эмоциональной заряженности, готовности безоговорочного следования своему объекту поклонения, лидеру [11]. Отметим, что признание религиозного фанатизма единственным источником религиозного экстремизма может спровоцировать ошибочное утверждение о стимулирующей роли религии в сознании религиозных экстремистов, которые могут иметь неоднозначную позицию в отношении религиозного фанатизма. В качестве конфликтной основы религиозного экстремизма выступает религиозный фундаментализм, гиперболизирующий приоритет религиозных ценностей относительно национальных и политических в отсылках к мифологизированному историческому прошлому. Цель деятельности религиозных экстремистских объединений – позиционирование своей версии религиозного учения ведущей и подавление других религиозных традиций посредством принуждения [17]. Однако религиозный фундаментализм ориентируется на обновление, основанное на изначальных религиозных постулатах, в отличие от религиозного экстремизма, действующего на сконструированных представлениях о «чистой религии», основывающих и оправдывающих его политические цели.

Широко используемый термин «насильственный экстремизм» подчеркивает возможность совершения насильственных действий в отношении лиц (группы) по какому-либо признаку. Экстремизм характеризуют использованием насилия и незаконных действий как средств для достижения политических или идеологических целей; геноцид, насильственное подавление инакомыслия и прославление массового насилия. Склонность людей к агрессии при угрозе их религиозным ценностям усиливается совместной деятельностью и способствует интеграции с определенными группами, меж-

групповой враждебности и дегуманизации идеологических противников. Экстремизм требует наличия идеологического обоснования насилия в качестве единственного эффективного метода достижения поставленных целей. Именно религия, которой присущи универсалистские амбиции и допущение насилия в эсхатологической перспективе, позволяет вписать его в мировоззренческую систему. Возможная угроза безопасности сообществу при наличии сильных групповых обязательств и религиозной идентичности вызывает крайности в мышлении участников [27]. Насилие является рациональным выбором, сделанным организацией по политическим и стратегическим причинам, а не случайным результатом психологических или социальных факторов [29]. Религиозные экстремистские объединения обладают притязаниями на абсолютизм, догматизмом, завышенными претензиями к объяснению мира и человека и окончательное разрешение мировых проблем [8]. Им имманентно свойственен насильственный характер деятельности. Однако стоит отметить, что эта возможность не всегда и необязательно может быть ими реализована. М. Юргенсмейер указывает на взаимообусловленность религии, унижения, мужественности и насилия в контексте террористической войны, при которой насилие и религия тесно связываются и выступают источниками радикального поведения [32].

Психологические концепции рассматривают религиозное экстремистское сознание, психологический компонент, формирующий радикализованные взгляды и способствующий экстремальному поведению. В. И. Красиков отмечает специфичную мыслительную деятельность у экстремистов, содержащую схожие процессы сознания с другими людьми, но различающуюся степенью активности. Религиозным экстремистам свойственны те же мировоззренческие паттерны по типу «мы видим дуалистичную конфронтирующую категоризацию значений мира, сознание собственной исключительности, избранности и атрибутирование негатива противной стороны» [13, с. 92]. Так, политический экстремизм и религиозный экстремизм одинаково связаны с переменными мировоззрения: значимость убеждений, догматическую нетерпимость к конкурирующим идеологиям и местнический альтруизм ради своих идей, но не с переменными недовольства: личной и братской депривацией и социально-экономическим страхом. Религиозная экстремистская деятельность позволяет восстановить чувство личной значимости: желание быть уважаемым и иметь значение в глазах самого себя или важных других – через формирование мировоззрения, идей осуществления значимого дела и выполнения священной миссии [35]. Религиозное экстремистское сознание представляется результатом экстремализации свойств религиозного сознания и соответствующей деятельности. Его характеристиками являются: а) убежденность в реализации священного плана; б) осознание своей исключительности, чувство вседозволенности; в) эсхатологизм; г) утопичность; д) некритичное мышление; е) архаичность (мифологичность, культ вождя, магия, жертвенность). Религиозная экстремистская деятельность провоцирует когнитивные искажения, выражающиеся в стремлении участников к абсолютным целям, в отличие от нормальных верующих, которые знают об идеалах, но не стремятся к их буквальной реализации.

При выборе участия в деятельности религиозного экстремистского объединения люди анализируют получаемую прибыль (личная значимость, дружеская атмосфера, помощь) и убытки (преследование со стороны государства, разрыв личных контактов). В закрытых сообществах, где отдача от сотрудничества больше, люди стремятся к соглашению и принятию ресурсов от группы [30]. Принятие решений обусловлено ограниченной рациональностью, социальными предпочтениями, которые провоцируют отклонения в поведении и мышлении в сторону религиозного экстремизма [18]. Успех религиозных экстремистских объединений объясняется удовлетворением запросов и ожиданий выгоды людей, которое компенсирует негативные последствия для них в социуме. Отметим, что цели данных объединений всегда обладают абстрактными формулировками, позволяющими каждому участнику отождествить с ними свои личные стремления.

В религиозной экстремистской идеологии ключевую роль занимает политический компонент, позиционируемый волей священного и обосновывающийся религиозными ценностями. При ее формировании имеет место целенаправленное смысловое политизирование религиозных положений и искажение религиозной традиции. М. Я. Яхьяев [16] на этом основании выделяет религиозно-политический экстремизм в самостоятельный вид. В контексте современных научных работ и условий социальной реальности данная позиция представляется нецелесообразной, провоцирующей дополнительные сложности в разграничении не только деятельности религиозных организаций и религиозных экстремистских объединений, но и религиозно-политических объединений, а также увеличение числа используемых понятий наравне с «экстремизм в религии», «терроризм в защиту рели-

гии», «религиозно-мотивированный экстремизм», «религиозный криминальный экстремизм». Такое разделение не согласуется с результатами последних научных исследований (М. Юргенсмейер [32], Р. Дж. Хайдаров [21]), которые подчеркивают наличие политического компонента явно/скрыто во всех идеологиях таких объединений. Следовательно, по причине политизированности религиозного экстремизма понятие «религиозно-политический экстремизм» представляется избыточным и тавтологичным, затрудняющим выявление сути проблемы деятельности религиозных экстремистских объединений.

На основании выше изложенного следует, что методологическая основа исследования деятельности религиозных экстремистских объединений должна быть интегративной, т. к. включает в себя не только политико-правовую сторону, но и социальную, религиоведческую, психологическую, культурологическую. Она определяется через взаимосвязь религиозной экстремистской деятельности как проявления социальной активности и осознанного выбора участников, религиозной экстремистской идеологии, позиционируемой религиозной возрожденной / новой традицией, созданной посредством мифотворчества и самой конструирующей альтернативную социальную реальность, религиозного экстремистского сознания как их продукта. Представляется невозможным получение объективных данных и формирование представления при игнорировании одних составляющих при акценте на другие. Комплексный подход предполагает разбитие проблемы на составные элементы корректными и уместными технологиями, которые позволяют выделить основные аспекты деятельности религиозных экстремистских объединений, представляющиеся единым комплексом. Деятельность государства, широкой общественности, религиозных организаций, экспертного сообщества и религиозных экстремистов с ними и между собой в едином коммуникативном пространстве образует социальную систему религиозного экстремистского объединения, обладающую ценностями, нормами, коллективом и статус-ролями. Социальная сплоченность объединения подкрепляется религиозной идентичностью, групповым сознанием, едиными моделями мышления и поведения, поддерживаемыми когнитивными искажениями. Религиозная экстремистская идеология передается посредством перформативности и мимезиса, закрепляется ритуальными практиками.

Применение комплексного подхода актуализируется не только в социально-гуманитарных областях знания, но и естественнонаучных, позволяя осуществлять многосторонний анализ объекта исследования при предварительном выявлении фундаментальных элементов и установлении основных этапов работы. Это позволяет определять причины и факторы, влияющие на структурно-функциональные изменения, соотносить количественные и качественные показатели. Так, М.А. Лукашова рекомендует его использование при оценке конкурентоспособности предприятия «на базе создания информационной платформы, базирующейся на идентификации критических факторов внешней среды и оценке внутренних процессов, характеризующих как финансово-хозяйственный, так и управленческий аспект» [14, с. 39]. Поэтапность использования различных методов в рамках комплексного подхода и ориентировать на результат подчеркивается в прикладных исследованиях (Л. В. Щеглихина [22], В.И. Пятанова [36]). Г.А. Ярахмедов отмечает важность комплексного подхода в педагогике, позволяющего интегрировать результаты естественных и гуманитарных наук и способствующего философским обобщениям. Важна феноменологическая установка, нацеленная «на процесс восприятия с позиций формирования определенного спектра значений, усматриваемых в предмете, его свойствах и функциях, а также выявления и описания поля непосредственной смысловой сопряженности сознания и предмета, сущности и структурной определенности деятельности образовательного процесса для достижения цели и получения конечного продукта – результата деятельности» [24, с. 114]. О.В. Ефимова предлагает комплексный подход для обеспечения аналитической поддержки управления денежными потоками, требующего межфункционального взаимодействия, учета взаимосвязи принимаемых операционных решений и их финансовых последствий [11].

При применении комплексного подхода возникает вопрос его взаимосвязи с системным подходом. М. С. Бакулина выявляет отличие и значимость комплексного подхода в сравнении с системным, подчеркивая ориентацию первого на востребованные в социально-гуманитарных науках качественные модели и сведение второго к структурализму, количественным моделям. Комплексность не ограничивается всесторонностью, подразумевающей исследование отдельной функции во взаимосвязи с другими. Для комплексного подхода важными являются: а) многосторонность – выделение существенных сторон объекта, б) целенаправленность познавательной деятельности, устанавливающей средства познания и состав выделяемых элементов, в) прагматически-нормативная ориентирован-

ность. Объектом исследования становится конкретная сущность явлений и процессов в аспекте ее привязанности ко времени и месту посредством «объединения усилий разных наук и методологий с учетом требований разносторонности информации» [2, с. 171]. Данная позиция подразумевает применение комплексного подхода на первоначальном этапе исследования – сборе и систематизации необходимых данных в соответствии с поставленной целью для дальнейшей работы, согласования промежуточных результатов. Отметим, что применение системного подхода не позволяет в полной мере выявить динамику, практико-целевую ориентацию структурных изменений.

Эффективность комплексного подхода не вызывает сомнений по причинам: а) учета взаимосвязи методов и методологических подходов и привлечения наиболее оптимальных и сильных их сторон для изучения конкретного объекта; б) взаимодействия разных предметных областей в рамках единого комплекса; в) возможности отслеживания основных процессов в объекте и их мониторинга. Однако указанный методологический подход обладает трудностями, сводимыми к подбору методов, методологических подходов и последовательности их применения. Избыточность методов, результаты которых дублируют друг друга, и их подбор при игнорировании принципов дополнительности, соответствия, верификации, целостности, фальсификации, историзма увеличивают затраты на проведение исследований. Непоследовательность методологического процесса провоцирует получение отрывочных, несвязанных данных, упущение важных элементов, функциональных ролей, тенденций трансформации структуры и необоснованное прогнозирование будущего. Включение некорректных, логически неподходящих методов, а также отсутствие должного описания их применения и получаемых посредством их результатов – обвинения в эклектичности, исключаяющей научность подхода.

Обсуждение результатов

При исследовании деятельности религиозных экстремистских объединений привлечение разнообразных методологических подходов в единую методологию, в основе которой находится комплексный подход, осуществляется посредством принципа дополнительности. Данный принцип вводит понятия и концепции, применяемые в особых условиях и нередко противоречащие друг другу, что способствует целостному изучению объекта исследования, выявлению положений, внешне взаимоисключающих друг друга, но в реальности демонстрирующих разные стороны. Например, участие в деятельности религиозного экстремистского объединения можно объяснить со следующих позиций: манипулирование сознанием людей (А. Л. Дворкин [9]) или их осознанным выбором (В. Гют [30]), религиозное экстремистское сознание – результатом глубоких психологических нарушений по типу параноидных, нарциссических, сформировавшихся на ранних стадиях развития по причине нарушенных детско-родительских отношений (Ю. М. Антонян [1]) или нетипичными проявлениями когнитивных искажений (Л. Агнати [25]). В реальности все перечисленное (и не только) определяет участие и приводит к принятию соответствующего образа жизни.

Постструктуралистский подход Ж. Бодрийяра, И. В. Гребенщикова позволяет сопоставлять позиции государства, широкой общественности, религиозных организаций, СМИ и самих религиозных экстремистов как субъектов конструирования в целостное представление, отражающее противоречия в вопросах идентификации нетрадиционных религиозных проявлений, межрелигиозных конфликтов и государственно-религиозных отношений. Структурно-функциональный подход Т. Парсонса способствует выявлению закономерностей функционирования религиозных экстремистских объединений, трансформаций структуры под влиянием глобализационных, информационных, технических, технологических условий. Анализ содержания религиозной экстремистской идеологии и установление механизмов конструирования альтернативной социальной реальности, роли мифотворчества и специфического отношения к священному возможны при привлечении феноменологического подхода П. Бергера [3] и М. Элиаде [23].

Социальные системы религиозных экстремистских объединений обладают следующей спецификой. Первое, познавательная ориентация направлена на разрушение социального единства по религиозному признаку. Любая социальная система ориентируется на познание окружающего ее мира. Однако религиозные экстремисты ориентированы на получение знания об окружающем мире, социуме, которое усиливает противопоставленность, идеи исключительности и превосходства «своих», демонизацию «других». Это провоцирует социальную разобщенность. Второе, преобладание в модели поведения (внешних взаимоотношений) прозелитских тенденций. Целью коммуникации с «другими» является утверждение истинности своего учения и стремление вовлечения новых участников,

позиционируемое их спасением. Третье, социально-символический капитал основывается на идеях мировой борьбы добра со злом и измеряется благословением священного. Четвертое, солидарно-антагонистическая модель организации обуславливается наличием священного как принуждающей стороны, предоставляющей выбор и снимающей ответственность с непосредственных участников, а также политической целью, позиционируемой религиозными обязанностями.

Социально-психологические подходы рассматривают деятельность религиозных экстремистов с позиций взаимодействия группового мышления и индивидуальных особенностей личности, формирования соответствующих когнитивных искажений и активизации социально-психологических механизмов адаптации, способствующих осознанному выбору религиозных экстремистских объединений, минимизации внутренних конфликтов и достижению стабильности. Концепция И. Джениса указывает на подавление индивидуального творческого, независимого мышления и не критическое отношение к групповым нормам, развитие иллюзии неуязвимости, моральности в рамках огруппления мышления [31]. Теория социальной идентичности Г. Тэджфела отмечает стремление к социальной идентичности, при формировании которой акцентируется маргинальность группы, ее низкий социальный статус и нелегитимность при наличии доминирующей группы [37]. Стремление уменьшить когнитивный диссонанс посредством социального сравнения, демонизации «другого», формирования из него образа «врага» объясняется концепцией Л. Фестингера [20]. Стоит учитывать, что социальная и религиозная идентичность обеспечивает психологическое здоровье участников.

Социально-антропологические подходы позволяют исследовать религиозные экстремистские объединения как сообщества, в атрибутивной части ритуальных практик которых эксплицируются внутригрупповая динамика и специфика религиозной экстремистской идеологии, визуализируются оппозиции «репрессивные и реститутивные санкции», «сакральное-профанное», «коммунитас-структура», «чистота-нечистота» – В. Тэрнер [19], М. Дуглас [10]. Концепция социальной солидарности Э. Дюркгейма рассматривает ритуальные действия как механизмы социальной и религиозной идентичности, единства сообщества и средства от аномии. Религия, будучи одной из перспектив в интерпретационной антропологии К. Гирца, способствует формированию соответствующих экстремистской идеологии картины мира и этоса [6]. В ритуальных практиках, с одной стороны, структурируется повседневность, закрепляется дихотомичность повседневности, встраивается индивидуальная деятельность в священную историю и радикализуется групповое мышление. С другой – визуализируется и опредмечивается структура, система управления, отражаются динамика функционирования, содержание статус-ролей, внутригрупповая и межличностная коммуникация. Теория ритуальных практик К. Вульфа объясняет процесс ретрансляции религиозной экстремистской идеологии, приобщения к требуемым моделям мышления и поведения посредством перформативности и мимезиса [5].

Когнитивное религиозоведение рассматривает религиозное экстремистское сознание результатом негативных проявлений свойств религиозного сознания: диалогичности, способствующей трансформации позиции «Я – Другой» в «свой – чужие»; символизма – героизации лидеров, жертвенности; религиозной веры – убежденности в выполнении воли священного, безальтернативности и агрессии. Разработанные методологии исследования П. Буайе [28], Л. Агнати [25] позволяют выявлять экстремистские идеи, получающие мнемоническое преимущество, подкрепляющиеся перфекционистскими иллюзиями, мифотворчеством и девиантностью, обосновывающиеся религиозными нормами и групповым мышлением. Анализ когнитивных искажений А. Круглански способствует выявлению перенаправленных когнитивных способностей, характеристики мотивационного дисбаланса и определению роли когнитивного закрытия в убежденности истинности религиозных экстремистских идей [35].

Заключение

Подводя итог, отметим, что комплексный подход является эффективной методологической основой исследования деятельности религиозных экстремистских объединений, результативность которого обуславливается логичностью и системностью постепенного включения методов и подходов из различных областей социально-гуманитарного знания. Без привлечения выше обозначенных методологических подходов не представляется возможным изучение такого сложного и многоаспектного объекта исследования, как деятельность религиозных экстремистских объединений. Проведение исследования на основе какого-либо одного подхода являлось бы продолжением уже существующих вариантов изучения с уже ранее обозначенными многими исследователями сложностями и противоречиями, узкой направленностью получаемых данных.

Теоретическая и практическая значимость заключается в методологической разработке проблемы исследования деятельности религиозных экстремистских объединений и выработке адекватных управленческих решений в области государственно-религиозных отношений, противодействия религиозному экстремизму. Ценность комплексного подхода, который объединяет теории социальной философии, социальной психологии и когнитивистики, социальной антропологии, определяется концептуализацией религиозной экстремистской деятельности, а также возможностью проведения на более эвристическом уровне социально-гуманитарных исследований девиантных форм поведения, социальных конфликтов, механизмов социальной сплоченности и групповой радикализации, специфики проявлений когнитивных искажений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонян Ю.М., Юрасова Е.Н. Экстремистское и террористическое поведение с позиций глубинной психологии // Научный портал МВД России. 2010. № 2. С. 3–10.
2. Бакулина М.С. Системный и комплексный подходы: сходства и различия // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2011. № 2. С. 168–173.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
4. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 389 с.
5. Вульф К. К генезису социального. Мимезис, перформативность, ритуал. М.: Интерсоцис, 2009. 164 с.
6. Гирц К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004. 560 с.
7. Гребенщиков И.В. Государство и юридическое поле в дискурсе об экстремизме // Теория и практика общественного развития. 2017. № 11. С. 67–71.
8. Данилов А.В. Религия, экстремизм, насилие // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2018. № 3. С. 67–73.
9. Дворкин А.Л. «Контроль сознания» и «промывание мозгов» – насколько все же эти термины применимы к сектам? // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2018. № 28. С. 147–150.
10. Дуглас М. Чистота и опасность: анализ представлений об осквернении и табу. М.: Канон-Пресс, 2000. 288 с.
11. Ефимова О.В. Комплексный подход к анализу денежных потоков в условиях высокой неопределенности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2022. № 3. С. 5–18.
12. Ефремова О.Н., Ковалева Г.П. Религиозный фанатизм как предпосылка экстремизма // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2020. № 2, т. 1. С. 37–40.
13. Красиков В.И. В экстриме. Междисциплинарное философское исследование причин, форм и паттернов радикального сознания. М.: Водолей Publishers, 2006. 496 с.
14. Лукашова М.А. Оценка конкурентоспособности предприятия торговли на основе комплексного подхода // Стратегия предприятия в контексте поведения его конкурентоспособности. 2019. № 8. С. 38–43.
15. Никишин В.Д. Словесный религиозный экстремизм: правовая квалификация, экспертиза, судебная практика. М.: Проспект, 2022. 239 с.
16. Религиозно-политический экстремизм: сущность, причины, формы проявления, пути преодоления. Научная монография / Под общей ред. проф. М. Я. Яхьяева. М.: Парнас. 2011. 296 с.
17. Старосельцева М.М., Плюх Е.И. Религиозный экстремизм: интерпретация понятия? // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2012. № 2. С. 57–60.
18. Талер Р. Новая поведенческая экономика. Почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать. М.: Изд-во «Э», 2017. 368 с.
19. Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. 277 с.
20. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. СПб.: Ювента, 1999. 318 с.
21. Хайдаров Р.Дж. Религиозно экстремистские группировки как инструмент достижения геополитических целей Запада в Центральной Азии // Известия института философии, политологии и права им. А. Баховаддинова Национальной академии наук Таджикистана. 2022. № 2. С. 128–133.
22. Щеглихина Л.В., Минхина А.Н. Инновационный подход к комплексному лечению эндометриоза // Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физической культуры. 2019. № 6, т. 36. С. 32–36.
23. Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.
24. Ярахмедов Г.А. Комплексный подход в обучении математике в высшей школе // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2011. № 3. С. 112–115.
25. Agnati L., Marcoli V., Agnati U., Ferraro L., Guidolin D., Maura G. The mis-exaptation of the prediction capability of humans and emergence of intolerant religious beliefs // Neurology, Psychiatry and Brain Research. 2017. Vol. 23. P. 43–53.
26. Atran S., Ginges J. Religious and Sacred Imperatives in Human Conflict // Science. 2012. Vol. 336, is. 6083. P. 855–857.

27. Beller Joh., Kroger C. Religiosity, Religious Fundamentalism, and Perceived Threat as Predictors of Muslim Support For Extremist violence // *Psychology of Religion and Spirituality*. 2018. Vol. 4, is. 10. P. 345–355.
28. Boyer P. *Religion Explained: The Evolutionary Origins of Religious Thought*. N.-Y.: Basic Books, 2001. 375 p.
29. Crenshaw M. The logic of terrorism: terrorist behavior as a product of strategic choice // Victoroff J., Kruglanski A.W. (Eds.). *Psychology of Terrorism: Classic and Contemporary Insights*. N.-Y.: Psychology press, 2009. P. 371–382.
30. Güth W. On ultimatum bargaining experiments – A personal review // *Journal of Economic Behavior and Organization*. 1995. Vol. 27, is. 3. P. 329–344.
31. Janis I. *Groupthink: psychological studies of policy decisions and fiascoes*. Boston: Houghton Mifflin, 1982. 334 p.
32. Juergensmeyer M. *Terror in the Mind of God: the Global Rise of Religious Violence*. Berkeley: University of California Press, 2003. 319 p.
33. Kruglanski A., Fernandez J., Factor A., Szumowska E. Cognitive mechanisms in violent extremism // *Cognition*. 2019. Vol. 188. P. 116–123.
34. Posłuszna E. Terrorism of Lone Wolves // *Safety & Defense*. 2020. Vol. 6 (1). P. 109–118.
35. Prooijen J.-W., Kuijper S. A comparison of extreme religious and political ideologies: Similar worldviews but different grievances // *Personality and Individual Differences*. 2020. Vol. 159, 109888.
36. Pyatanova V. I. New Paradigm of a Company's Competitiveness: Complex approach // *Upravlenie*. 2022. Vol. 1, iss. 10. P. 36–41.
37. Tajfel H. Cognitive aspects of prejudice // Reprinted in *Journal of Social Issues*. 1969. Vol. 25, iss. 4. P. 79–97.

Поступила в редакцию 09.08.2023

Излученко Татьяна Владимировна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии
Сибирский федеральный университет
660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, 79
E-mail: izluchenko@mail.ru

T.V. Izluchenko

THE EFFECTIVENESS OF AN INTEGRATED APPROACH IN RESEARCHING THE ACTIVITIES OF RELIGIOUS EXTREMIST ASSOCIATIONS

DOI: 10.35634/2412-9550-2023-33-3-215-223

Religious extremism is a complex, multifaceted phenomenon that has active, ideological and organizational elements. It manifests itself in the form of religious extremist associations. They pose the greatest threat. It is not possible to study their activities in any social and humanitarian direction. It is also unnecessary to introduce a large number of concepts that essentially designate religious extremism. This can lead to fragmentation and diversity of inconsistent, conflicting concepts and theories. The purpose of the work is to determine the effectiveness of an integrated approach to the study of religious extremist associations. It includes the methods of social philosophy, social psychology, social anthropology and cognitive religious studies. The post-structuralist approach allows us to consider religious extremism as a political construct, determined by socio-cultural and psychological conditions. The phenomenological approach is to reveal the mechanisms of constructing an alternative social reality by religious extremism. The structural-functional approach considers religious extremists as active subjects implementing social initiative, and religious extremist associations – as social systems. The results of the study were formulated through analysis and synthesis, induction and deduction, generalization and abstraction. Based on the principle of complementarity, methods from different scientific fields are complemented by each other. An integrated approach is not identical to eclecticism, which does not allow establishing relationships at each stage of cognition, revealing patterns, compatibility of various determinations. The main principle is the sequence of application of methods and their complementarity in order to exclude inappropriate confusion. This makes it possible to systematize the socio-philosophical component of religious extremist ideology, socio-anthropological differences in religious extremist activity, cognitive distortions of religious extremist consciousness and in-group favouritism, out-group aggression of religious extremist associations.

Keywords: religious extremist associations, integrated approach, methodology, principle of complementarity, eclecticism, scientific method.

Received 09.08.2023

Izluchenko T.V., Candidate of Philosophy, Associate Professor at Department of Philosophy
Siberian Federal University
Svobodny Ave., 79, Krasnoyarsk, Russia, 660041
E-mail: izluchenko@mail.ru